

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Державина Екатерина (1760–1794)

Так будь, чета, век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряжена
С любовью душа.

Гавриил Державин

В доме князя Александра Вяземского частенько гостила его родственница, Катенька Урусова — девушка, ничем не примечательная внешне, но страстная любительница литературы, успевшая опубликовать какие-то из своих произведений. Княгиня Вяземская прочила ее за поэта Державина, которому покровительствовал ее супруг, но он только отмахнулся: «Она пишет стихи, да и я мараю; занесемся оба на Парнас, — так некому будет и щи сварить». Точнее — отдать распоряжение, чтоб их сварили...

Другой Катеньке, носившей португальскую фамилию Бастидон, не исполнилось и семнадцати, когда в один из августовских дней 1777 года ее увидел из окна тридцати-четырёхлетний Державин. Дочь любимого камердинера Петра III, покойного Бенедикта Бастидона, она была названа в честь великой княгини, будущей Екатерины Великой. Вторая встреча с ней Гавриила Романовича состоялась в театре, а третья — тоже случайная — в прихожей Льва Третьяковского, сына известного стихотворца.

«Породниться с семейством, имевшим связи при дворе, могло казаться выгодным, — писал академик Яков Грот, заведовавший кафедрой словесности в Александровском лицее и оставивший потомкам, пожалуй, одну из самых полных и обстоятельных биографий Державина. — Катерина Яковлевна была молочная сестра великого князя, а вдобавок блистала всеми прелестями южной красавицы: черные как смоль волосы, огненные глаза, яркий румянец на смуглом лице, правильные черты, миловидное выражение и скромные приемы могли обворожить хоть кого, а тем более впечатлительного поэта».

Гавриил Романович решил посвататься к ней уже после третьей встречи. Но сначала пошел держать совет к своему приятелю Гасвицкому. Оба они отправились на маскарад и, надев маски, целый вечер не выпускали из поля зрения очаровательную девушку, чем обратили на себя внимание и самой преследуемой, и ее матушки Матрены Дмитриевны.

Разумеется, Гасвицкий одобрил выбор своего друга. А со сватовством помогли другие приятели, вхожие в дом вдовы Бастидон, которая жила с дочерьми и сыном.

«Катерина Яковлевна все время вязала чулок и иногда с большою скромностью вмешивалась в разговор, — рассказывает Я. Грот о первом визите будущего жениха. — Державин был очарован ее простотой, опрятностью, умом и любезностью. Особенно ему понравилось, что она ни минуты не оставалась праздною, тогда как сестры ее сидели без дела, тараторили как трещотки, судили, рядили и хохотали».

Если задуматься, то столь различное поведение милых девушек можно толковать по-иному: ведь каждая из них наверняка уже понимала, ради кого явился в их дом этот высокий, широкоплечий, с гвардейской выправкой (довелось послужить в Преображенском полку!) гость.

На следующий же день Гавриил Романович, известный на редкость прямым характером, открылся матери своей избранницы. Она попросила несколько дней на раздумье, а на самом деле для того, чтобы навести справки о женихе. Полученные сведения оказались самыми благоприятными для него: Державин находился в милости у влиятельного вельможи, имел множество связей и порядочное состояние.

Но самое главное: пока Матрена Дмитриевна разъезжала по знакомым, поэт успел объясниться с Катенькой. Потупив большие миндалевидные глаза, девушка призналась

Гавриилу Романовичу, дескать, он ей «не противен», что, очевидно, и явилось главным аргументом в пользу удачного сговора.

Свадьба состоялась 18 апреля следующего года. А в августе молодые супруги отправились в Казань, где жила мать поэта. Оставив здесь жену, Державин посетил свое оренбургское имение. На обратном пути, уже в ноябре, он задержался в одной из деревень на берегу Камы, по которой шел лед, и в нетерпеливом ожидании написал «Песенку отсутствующего мужа»:

Жизнь утехи и покою!
Возвратись опять ко мне:
Жизнь с столь милою женою —
Рай во всякой стороне.

Он был вполне счастлив с Катенькой — она имела спокойный и веселый нрав, увлекалась чтением, любила рисовать и рукодельничать. Хорошо пела, пробовала писать стихи, славилась среди друзей искусством вырезать силуэты. Например, издание сочинений Ивана Хемницера украшал силуэт поэта, сделанный ее рукой.

Катерина Яковлевна принимала участие во всех мужниных делах, а его успехи и неудачи считала своими. Все его друзья — Львов, Капнист, Хемницер, Карамзин, Дмитриев — были ее искренними почитателями.

«Она пленялась всем изящным, – вспоминал поэт Иван Дмитриев, – и не могла скрывать отвращения своего от всего низкого».

Дмитриев так описывает свою первую встречу с четой Державиных:

«...В сопровождении Львова отправился я к поэту, с которым желал и робел познакомиться. Мы застали хозяина и хозяйку в авторском кабинете: в колпаке и в атласном халате, он что-то писал на высоком налосе; а она, в утреннем белом платье, сидела в креслах посреди комнаты, и парикмахер завивал ей волосы. Добросердечный вид и приветливость обоих с первых слов ободрили меня. Поговорив несколько минут о словесности, о войне и пр., я хотел, соблюдая приличия, откланяться, но оба они стали унимать меня к обеду. После кофья я опять поднялся, и еще упрошен был до чая. Таким образом, с первого посещения я просидел у них весь день, а чрез две недели уже сделался коротким знакомцем в доме. И с того времени редко проходил день, чтоб я не виделся с этой любезной и незабвенной четой».

А архитектор и поэт Николай Львов посвятил Катеньке такие шуточные стихи:

Державина сего Гаврилу полюбила,
Чему дивится свет, —
И мужа доброго дурным изобразила.
Так вот и силуэт,
Которого чернее нет.
О, туши мрачна сила!

Капнист, несмотря на то что был женат на подруге Катерины Яковлевны, тоже являлся ее поклонником:

«Целую ваши руки, ваши прекрасные руки с таким жаром, как сегодня во сне целовал! Тысячу раз и более».

Но главное, конечно, что сам Гавриил Романович страстно любил свою Катеньку, называя ее в стихах Пленирой.

А если милой и приятной
Любим Пленирой я моей,
И в светской жизни коловратной
Имею искренних друзей,
Живу с моим соседом в мире,
Умею петь, играть на лире, —
То кто счастливее меня?..

Катенька отвечала ему взаимностью и частенько смягчала лаской бурную вспыльчивость мужа и приступы его гнева. («Горяч и в правде черт!» – говорил он о себе.

Постоянно ссорился с начальством, побывал даже под судом.) Причем, когда нужно было, Пленира умела постоять за себя, а главное — за своего Ганюшку.

Если супругам приходилось разлучаться, она, несмотря на разницу в возрасте,ставляла мужа в письмах:

«Будь осторожен: свои дела всем говори, а расположение в своих никому, кроме князя С.Ф.»;
«Я думаю, что ты ленишься твоими выездами, мой друг, теперь надо быть не лениву и стараться быть тут, где тебе нужно...»

После губернаторства в Тамбове и других городах Державины поселились в Петербурге, где купили дом на Фонтанке. Стали подыскивать и имение недалеко от столицы — для летнего житья. Катерина Яковлевна, которой тоже был симпатичен Капнист, уговаривала его:

«Что, кабы и вы также? Вы бы иногда, поэты, и поссорились, и помирились; ведь это у вас чистилище ваше в прежние времена бывало, а мы бы, жены ваши, другого рода редкости делали, украшали бы жилища ваши своими трудами, забавляли бы вас, а иногда и разнимали, когда далеко споры ваши зайдут».

Этим мечтам не суждено было осуществиться...

По скудным сведениям, сообщенным биографами, еще в Тамбове Катерина Яковлевна серьезно заболела после одного нервного потрясения: ей пришлось защищать Гавриила Романовича от нападок общества, и одна невоспитанная и глупая дама даже ударила ее веером, а потом еще отправила в столицу жалобу на недостойное поведение г-жи Державиной. Недоразумение удалось рассеять, объяснив всю правду столичному начальству, но скольких сил это стоило и самому поэту, и его верной Пленире!

В чем конкретно заключалось ее заболевание, нам неизвестно, но оно все-таки свело еще молодую женщину в могилу. Она скончалась 15 июля 1794 года.

За три дня до ее смерти Державину нужно было ехать по важным делам к императрице в Царское Село, а он боялся оставить Катерину Яковлевну одну. Она уговаривала мужа:

«Ты при дворе не имеешь фавору, мой друг, однако есть к тебе уважение, вера, их надо беречь. Поезжай. А я постараюсь прожить еще два дни и дожидаться тебя, чтобы проститься».

Потеряв ее, поэт был безутешен.

«Погружен в совершенную горечь и отчаяние, — писал он Дмитриеву. — Не знаю, что с собой делать... Оплачьте, музы, мою милую, прекрасную добродетельную Плениру, которая для меня только жила на свете, которая все мне в нем доставляла. Теперь для меня сей свет совершенная пустыня...»

И добавлял в стихах:

Ах! лежит ее тело мертвое,
Как ангел светлый во крепком сне...

Сердца, души половина, прости...

По его признанию, Катенька любила его сочинения, с жаром и мастерством их читала. В последнее время тайком от мужа собрала все его стихотворения и своей рукой переписала в одну тетрадь.

Дмитриев и Капнист оплакали Катерину Яковлевну в стихах, а Державин посвятил памяти возлюбленной элегическое стихотворение «Ласточка». Ненаглядная его Пленира погребена на кладбище Александро-Невской лавры, недалеко от М.В. Ломоносова. На могильной плите — эпитафия, написанная поэтом:

Где добродетель? где краса?
Кто мне следы ее приметит?
Увы! здесь дверь на небеса...
Сокрылась в ней — да солнце встретит!

...Жизнь все-таки брала свое. Через некоторое время Гавриил Романович женился — и снова счастливо. Купив заброшенное имение Званка в живописнейшей местности на берегу Волхова, с усердием занялся его обустройством.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

Это Державин говорил о второй своей супруге Дарье Алексеевне, женщине домовитой, красавице писаной, воспетой им в большинстве стихов под именем Милены. Но до конца дней своих не забывал он и о той, первой, «внушившей ему все лучшие его стихотворения». Часто, сидя в задумчивости за обеденным столом, он непроизвольно чертил вилкой по скатерти вензель покойной, любимые буквы К. Д.

Дарья Алексеевна неизменно восклицала: «Ганюшка, Ганюшка, что это ты делаешь?»

«Так, ничего, матушка!» – отрешаясь от своих печальных воспоминаний, отвечал Державин...